

Глава 9. Словно селезню на лютне играть

Лицо Гуньи Лина то багровело, то бледнело, а он сжимал челюсти с таким хрустом, что, казалось, зубы вот-вот рассыплются в крошку. Прошло немало времени, прежде чем он наконец заставил себя подойти к Чи Шэну.

— Эй! — буркнул он.

Чи Шэн, только что вышедший из оцепенения, испуганно засуетился, спеша извиниться первым:

— Про-прости... я не нарочно... Твой меч...

Он прекрасно понимал: для заклинателя меч — это основа основ, корень его духовных сил. Ученики любой школы, независимо от выбранного пути, обязаны постичь искусство клинка, и обычно у человека за всю жизнь бывает лишь одно верное оружие.

Гуньи Лин раздражённо взлохматил волосы. Он выглядел дёрганым, он напрягся, а голос так и сквозил неловкостью:

— Да этот мой меч — обычная железка, гроша ломаного не стоит! Он от любого огня треснет. Ты что, возомнил себя великим мастером? — Юноша пренебрежительно фыркнул. — Тебе до этого ещё расти и расти! Вот когда я возьму по-настоящему добрый клинок, точно заставлю тебя на коленях молить о пощаде!

Чи Шэн только глазами захлопал.

Гуньи Лин нарочито громко кашлянул, он принял суровый вид:

— Завтра твой первый день занятий. Я со всеми учениками семьи Гуньи буду ждать тебя на Чуньюнь-ти.

Сказав это, он развернулся и, возглавив толпу своих ошарашенных приспешников, покинул двор так же стремительно, как и ворвался туда.

Чи Шэна тут же облепили обитатели Яо-юаня. Со всех сторон посыпались восторженные вопли и поздравления, но он всё ещё не мог прийти в себя. Глядя на уходящих, он лишь тихо вздыхал: до чего же в этих бессмертных школах всё запутано, откуда здесь столько чудаков и сумасбродов?

Из обрывочных разговоров Чи Шэн постепенно узнал больше о семье своего недавнего противника. Клан Гуньи считался одним из величайших в мире заклинателей. На

Божественном континенте Цзюньин их влияние было безграничным: многие школы и семьи взирали на них с почтением, признавая их лидерство.

И дело было не только в талантах, которыми славился род. Самое важное событие произошло несколько десятилетий назад: один из юношей клана Гунъи собственноручно схватил древнее чудовище, терзавшее мир. Тварь заточили в Жунлу — подземное горнило, — и навсегда погребли под поместьем, лишив её солнечного света. С тех пор слава семьи взлетела до небес, обеспечив им неприкасаемый авторитет в Поднебесной.

Чи Шэну стало любопытно:

— А что это за монстр?

Ученики неловко переглянулись и разом замолчали.

Чи Шэн вопросительно посмотрел.

— Это... это был Байху.

Ночь опустилась на горы, белые журавли вернулись в свои гнёзда на Чунъюнь-ти, а лунный свет мягко скользил по каменным ступеням.

В свою первую ночь в школе Даньлин Чи Шэн страдал от бессонницы. Слова о Байху, услышанные после схватки с Гунъи Лином, не давали ему покоя.

Байху — древние духи, чья родословная и духовная чистота считались совершенными. Могущественные божественные звери, стать которыми мечтал любой заклинатель.

Трудно было поверить, что такое почитаемое существо могло быть схвачено и брошено в темницу. Говорили, что того Байху поразила «грибковая скверна» — тёмная зараза, лишившая его разума. Он превратился в кровожадное, жестокое чудовище, наводящее ужас на весь мир.

В покое — святыня, в движении — погибель миров.

Тот камень духа на лotosовой террасе способен различать божественное и дьявольское. Сначала учителя лишь хотели проверить, нет ли в Чи Шэне той самой скверны, но вместо этого обнаружили в нём духовные каналы Байху.

Чи Шэн перевернулся на другой бок.

«Да я же просто хилая утка. Духовных сил — кот наплакал, опыта — ноль. Я был уверен, что проиграю Гуньи Лину в пух и прах. А в итоге не только уцелел, но и чужой меч в щепки сжѐг».

Вспомнив странную смерть Духа Пурпурного Паука, Чи Шэн поднял руки и взгляделся в свои ладони. Неужели... возможно... вероятно... а вдруг он и впрямь чуть сильнее, чем привык думать?

Неужели он действительно может оказаться тем самым божественным зверем?

«Нет».

Он мгновенно оборвал собственные мысли.

«Гадкий утѐнок возомнил себя лебедем? Ну и чепуха. Разве может солѐная рыба стать великим мастером? Не смейся самого себя».

Чи Шэн снова поворочался и наткнулся взглядом на пустую кровать за ширмой. Ему стало интересно: что за таинственный сосед ему достался, раз его никогда нет на месте?

На следующее утро, с тѐмными кругами под глазами после бессонной ночи, Чи Шэн принялся облачаться в ученическую форму, готовясь к первому занятию.

Одежда оказалась невероятно сложной: бесчисленные завязки и пояса требовали аккуратности, иначе всё висело мешком или перекашивалось. А явиться в первый день неопытным означало проявить неуважение к учителю.

Спустя добрых полчаса Чи Шэн наконец справился. Форма школы Даньлин состояла из лёгкого шёлка поверх плотной, гладкой ткани. Она плотно прилегала к телу, и даже его щуплая фигура в этом наряде выглядела вполне достойно.

Стоило ему выйти за порог, как он обнаружил толпу учеников-демонов, поджидавших его, чтобы вместе отправиться на занятия. Дороги Чи Шэн всё равно не знал, так что пришлось идти в этом шумном окружении.

Они шли по лесным тропинкам, усыпанным гравием. Изумрудная зелень замерла в утренней тишине, на листьях дрожали капли росы. Вскоре компания вышла к обрыву. Перед ними раскинулось море облаков, среди которых кружили журавли, а четыре исполинские цепи соединяли главный остров с четырьмя Горами Благородных Мужей.

Это и был Чунъюнь-ти, о котором говорил Гуньи Лин. Отсюда пути учеников разных факультетов расходились.

Гунъи Лин уже ждал. Он развалился в кресле, закинув ногу на ногу, и лениво грыз какой-то плод. Другой рукой он нетерпеливо постукивал по колену — было ясно, что ждать он не привык. За его спиной замерли два десятка последователей — те самые вчерашние наглецы.

Увидев Чи Шэна, Гунъи Лин вскочил:

— Ещё никто не заставлял меня ждать так долго!

Чи Шэн понурил голову:

— Прости...

Гнев, закипавший в груди юного господина, вдруг наткнулся на это кроткое, виноватое личико. Гунъи Лин поперхнулся воздухом, взлохматил волосы и, так и не найдя повода сорваться, проворчал:

— За моей спиной — все ученики клана Гунъи, что есть в школе. С сегодняшнего дня и они, и я — в твоём распоряжении. Можешь помыкать нами, как хочешь.

Чи Шэн изумлённо посмотрел.

«Он что, это серьёзно?»

— Ты с какого факультета? — спросил Гунъи Лин.

— С музыкального, — ответил Чи Шэн.

— Музыкальный факультет занимается на Мэй-дао, туда мне нельзя. Но среди моих людей есть те, кто учится там же. Пойдёшь с ними.

Чи Шэну было нечего возразить. Помолчав, он неловко выдавил:

— Э-э... спасибо. Слушай, насчёт вчерашнего спора... Я не придаю этому значения. Давай забудем о долге?

Перспектива того, что этот заносчивый барчук станет его «службой», пугала Чи Шэна больше всего на свете.

Но Гунъи Лин уже вскочил на меч и взмыл в небо, даже не дослушав. Обернувшись, он лишь крикнул:

— Жду тебя в полдень здесь же! После уроков не смей никуда уходить!

Чи Шэн застыл на месте.

«Он что, хочет взять реванш? Неужели так пристрастился к дракам? Вот она, неуёмная энергия сильных мира сего...»

Помимо цепей, Чунъюнь-ти ничто не связывало с островами. Те, у кого были мечи, летели сами. Остальные же, вроде Чи Шэна, должны были добираться верхом на журавлях.

Горы Даньлин поражали воображение. Пропитанные духовной силой, они не подчинялись законам времён года. Цветы и деревья здесь цвели вечно. На Мэй-дао восток полыхал алыми цветами, а запад сиял белыми, словно пламя и снег сошлись в вечном танце. Чи Шэн миновал сливовую рощу и вошёл в белокаменный дворец. В просторном зале стояли длинные столы, на которых курились золотые курильницы. Половина мест уже была занята.

Первым уроком была лекция по формированию Золотого ядра — основы трактата «Осознание истины». Чи Шэн отыскал свободное место, сел и смиренно раскрыл учебник, ожидая наставника.

Спустя пару минут он почувствовал неладное.

Почти все ученики в зале украдкой разглядывали его. За дверью и вовсе столпились ребята с других курсов. Слухи о том, что тот самый Байху, одолевший Гунъи Лина, пришёл на занятия, разлетелись мгновенно. Всем хотелось поглазеть на легенду.

Чи Шэн ощущал себя обезьяной в цирке.

Один из учеников, рассмотрев его поближе, разочарованно протянул:

— И это всё? Выглядит как-то... никак. Я-то думал, божественный зверь окажется прекрасным юношей. Всё, мой идеальный образ Байху погиб.

«Прости, что разочаровал, но я тут ни при чём», — хмуро подумал Чи Шэн.

— Посмотрите на его пух... Неужели все Байху так выглядят, когда принимают человеческий облик?

«Нет, только утки».

— А в волосах у него какая-то пакля... Он их вообще моет?

«Спасибо за заботу, вчера мыл. А пакля — это просто пакля».

Шёпотков становилось всё больше, и Чи Шэн совсем поник.

В Яо-юане всё было проще — там жили такие же демоны, привыкшие к разным обличьям. Но здесь, среди людей, он чувствовал себя изгоем. Ли Сюнь называл его «уродливой макакой», другие находили его пух омерзительным, даже Линь Фэйсянь обронил что-то про «болезненную худобу».

Чи Шэн почувствовал укол обиды. Он начал всерьёз сомневаться: неужели его внешность настолько оскорбляет взоры окружающих?

Демоны на ранних стадиях трансформации часто сохраняют звериные черты. Это трудный период. Со временем пух исчезнет, кожа станет чистой, и, наверное, он перестанет быть таким страшилой.

Проблема была в одном: как ускорить эту чёртову линьку?

Пока он предавался печальным раздумьям, на соседний стул кто-то сел. Раздался стук книг, опустившихся на стол.

Чи Шэн поднял голову:

— Старший брат Ли Ло?..

Тот разгладил складки на одежде и мягко улыбнулся:

— Снова здравствуй, Сяо Чи Шэн.

Если память не изменяла Чи Шэну, уровень Ли Ло был гораздо выше, и ему явно не требовалось слушать лекции для новичков. К тому же он не принадлежал к музыкальному факультету.

Заметив недоумение на лице друга, Ли Ло пояснил:

— Я взял этот курс факультативно. В прошлом году за экзамен по «Осознанию истины» я получил лишь «удовлетворительно».

Чи Шэн понимающе кивнул.

Ли Ло расспросил его о том, как он устроился, нет ли трудностей, и, узнав о вчерашней

стычке, поинтересовался здоровьем. Они негромко беседовали, пока в зал не вошёл учитель.

Начался урок. Описать его Чи Шэн мог лишь одной фразой: «Словно селезню на лютне играть».

Все эти фразы вроде: «Постигни суть Инь и Ян, проникни в тайны созидания, соедини два эфира на эклипнике и встреть три природы в изначальном дворце...» Или: «Собери пять элементов, примири четыре образа...» И уж совсем дикое: «Кипяти в нефритовом треножнике, жги в золотом горниле, дабы явилась жемчужина духа и Тай-и вернулся к истине...»

Чи Шэн смотрел в пустоту.

«Я не понимаю ни единого слова».

При одной мысли о том, что всё это заумное и зубодробительное придётся заучивать наизусть, Чи Шэну хотелось провалиться сквозь землю. После бессонной ночи веки слипались, и то, что он до сих пор не уснул прямо на уроке, было высшим проявлением уважения к наставнику.

Лекцию читал преподобный Цзысяо — суровый старик с вечно раздутыми ноздрями и скверным характером. Его белоснежная борода при каждом строгом слове смешно топорщилась, а он выглядел пугающе величественно. Чи Шэну казалось, что учитель постоянно смотрит на него, так что спать он не смел.

Видимо, даже наставники уже были в курсе сплетен. Скорость распространения слухов в этой школе просто пугала.

Случайно глянув в тетрадь Ли Ло, Чи Шэн увидел аккуратные, плотные ряды примечаний. Посмотрев в свою девственно чистую страницу, он едва не сгорел со стыда.

«Вот она — пропасть между гением и мной».

Заметив его взгляд, Ли Ло тихо усмехнулся и, воспользовавшись тем, что учитель отвернулся, прошептал Чи Шэну на ухо:

— В этой школе можешь лениться на любых уроках, но только не у преподобного Цзысяо. Он пострашнее Линьлань-цзюня будет.

Чи Шэн так же тихо спросил:

— Это ещё почему?

— Его любимая угроза: «Отправлю на Чунъюнь-ти листья подметать — до конца веков не закончишь».

Чи Шэн сглотнул. Страшный человек, правду говорят.

Помолчав, он решился спросить:

— А Линьлань-цзюнь что, тоже такой суровый?

— У него другая тактика. Он говорит: «Отправлю-ка я тебя на лекцию к преподобному Цзысяо».

...Чи Шэн пришёл к выводу, что оба они стоят друг друга.

— А... а что насчёт Лансюэ-цзюня? — прошептал он.

Ли Ло посмотрел на него странным, трудночитаемым взглядом и, загадочно улыбнувшись, спросил:

— А ты сам как думаешь?

<http://bllate.org/book/17515/1654581>